1/158

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО НАУЧНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

БУДУЩЕЕ РОССИИ—В РУКАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ!

НОЯБРЬ 1918 г.

№ 11.

ЦЕНА В МОСКВЕ 4 руб.
ЦЕНА ВНЕ МОСКВЫ 4 руб. 50 коп.

Главная контора и редакция:
Москва, 1-я Мещанская, дом № 50, кв. № 12.
РЕДАКЦИЯ открыта по вторникам и четвергам от 5 — 7 часов вечера.
КОНТОРА открыта по вторн. и четв. от 5—7 час. веч.

ГРОЗА.

А. Н. МАНКОВ.

Жизнь и Творчество Русской Молодежи.

№ 11. НОЯБРЬ 1918 г. № 11.

НИЖЕГОРОДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: г. Нижний Новгород, Похвалинская, 32, кв. 7. Заведующий Г. Б. Шмерельсон. Открыто: в Понедельник, Среду и Пятницу от 12—2 час. дня.

ЛИПЕЦКОЕ АГЕНТСТВО: гор. Липецк, Тамбовской губ., Липовская улица, дом № 6.

УКРАИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КОНТОРЫ: гор. Харьков, Дворянская улица, д. № 7, комната № 5.

XXIX-1885

Молодежь и анархизм.

Русская молодежь до октября революции примыкала к двум течениям политической мысли: к крайнему правому, кадетскому, с одной стороны, и к социалистическому,—с другой, при чем эсеровское, большевистское и меньшевистское течения социалистической мысли среди молодежи были почти в одних рамках. Октябрьская социальная революция, распылив все другие менее революционные течения, выдвинула особенно ярко коммунистическое течение и родила анархическое; правда, анархическая мысль еще и до октябрьской революции имела среди молодежи симпатию, но далеко не вся молодежь знала эти идеи.

Минувший год застиг молодежь среди двух определенно вылившихся течений—среди коммунистического и анархического.

Коммунистические союзы молодежи, широко поддержанные правительством с'умели за минувший год довольно сильно развиться и уже теперь со времени 1-го Всероссийского с'езда об'единились во Всероссийский коммунистический союз молодежи.

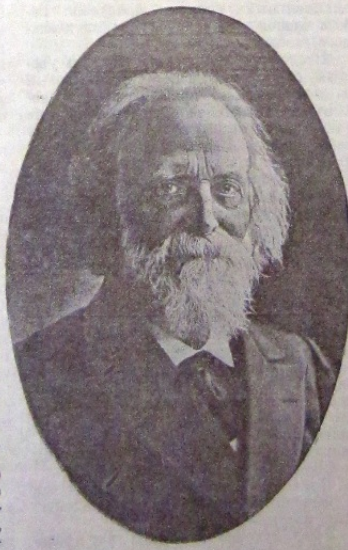
Анархические союзы молодежи, крупинками расбросанные среди России, еще но совсем окрепли и пока не подготовлены к об'единению во всероссийском масштабе.

Об'единение молодых анархистов в единую всероссийскую федерацию даст огромный толчек осуществлению анархических идеалов. Но для подготовки к с'езду необходимо развить до максимума пропаганду.

Ведь наши идеи, идеи анархизма, пока понятны лишь незначительному меньшинству, а потому еще не могут иметь непосредственного влияния на ход событий общественной жизни, но все это не может быть ущербом для их осуществления. Нам говорят, что в теории ваши идеи очень хороши, но на практике они не применимы: людям нужна власть, которая поддерживала бы равновесие и заставляла их подчиняться общественным законам,—вот возражение, которое выставляют против нас сторонники современного порядка вещей, когда все другие аргументы их исчерпаны, и нам удалось доказать им, что при сохранении государства рабочему нечего расчитывать на конечное улучшение своего положения. Мы не чувствуем необходимости доказывать этим людям, что конечный идеал человечества—анархизм, и что недостаточно уничтожить капитализм,—необходимо уничтожить также церковь и государство; для нас ясно, что только на развалинах капитализма, церкви и государства народ может устроить свою счастливую рациональную жизнь, и что только тогда он не будет влачить свое рабское существование, когда водворится рай на земле, когда будет Анархия.

Человеку, никогда не выходившему умственно за пределы существующего, очень трудно представить себе, что можно жить без религии, без правительства, без законов, без судей, без милиции, без денежных знаков, и мы, учитывая все это, отлично знаем, что водворение теперь же анархического строя в России невозможно, но мы также твердо верим, что молодежь, пропитанная идеями анархизма, при смене старого поколения отдаст свои силы проведению этих идей в жизнь.

И если мы убеждены в справедливости наших стремлений, то ничто не помешает нам. Нам нечего печалиться, что осуществление наших идей еще далеко,—нам нужно помнить, что если бы первые революционеры, боровшиеся против монархии и капитализма за свободную и разумную жизнь и шедшие за достижение идеалов социализма на смертную казнь и в Сибирь, думали бы так о своем идеале, что он-де не так скоро осуществим, то в нашем обществе до сих пор царила бы монархия и капитал. И если в наши дни человек понемногу начинает узнавать историю своего происхождения и избавляться от предрассудков божеской и человеческой власти, то обязан этим тому, что всегда были „непрактичные люди", твердо убежденные в истинности своих идей и стремившиеся всеми силами их распространять.



Анархист Элизе Реклю.

Вот почему молодежь, расбросанная по всем уголкам России, должна усиленно распространять идеи анархизма, а не прятать их в карманах.

Но следует обратить внимание и на об'ект своей пропаганды, т.-е. уяснить себе вопрос: среди кого молодежь должна более всего распространять идеи анархизма. Этот вопрос не так трудно разрешить. Для нас, сыновей, ясно, что семейный очаг всегда был и будет контреволюционен, что между убеждениями нашими и наших отцов—большая пропасть, с другой строны, мы знаем, что мы, как новое поколение должны заменить старое—наших отцов; а отсюда ясно, что творцами будущей жизни являемся мы, т.-е. вся молодежь; сказанного достаточно для того, чтобы уяснить себе, что мы должны вести свою пропаганду среди молодых товарищей, еще не уверовавших в святость нашего идеала, еще не приобщившихся к учению анархизма.

Мы представляем себе два лагеря окончательно выявившей себя молодежи: лагерь коммунистов и лагерь анархистов; другие течения молодежи с укреплением существующего строя сами собой умрут, как менее революционные, слабые и никчемные, и для нас ясно, какой лагерь восторжествует, какому принадлежит будущее; мы убеждены, что пройдет несколько лет, молодое поколение воспитает себя в духе анархизма и твердо станет на страже защиты его идеалов, и тогда на смену советскому строю в мир предстанет новый строй, строй полной свободы, полной радости. Вся земля запоет вместе с нами гимн новому строю, и это будет великий гимн великого человечества—гимн анархии!

1918, 18—XI.

Н. Марнов.

I-й Всероссийский с'езд союзов рабочей и крестьянской молодежи.

(От нашего специального корреспондента).

III. Работа С'езда.

Второй день с'езда был отдан докладам с мест и текущему моменту. Доклады представителей провинциальных союзов,—иные весьма и весьма обстоятельные,—полно обрисовали картину работы и настроение об'единений рабочей и крестьянской молодежи.

Они показывали, что, несмотря на кажущееся огромное влияние союзов, последние не имеют под собой прочного фундамента. Провинциальные работники полны энергии и желания работы, но она у них не налаживается.

Руководители с'езда и главари союза, по вполне понятным причинам, слишком близоруки, чтобы постичь это, но активным работникам и посторонним наблюдателям это сразу бросается в глаза.

В самом деле, лицам, близко соприкасающимся с работой союзов рабочей молодежи, и особенно в союзах столичных, известно, что заправилами в них является не трудовая масса, а, если так можно выразиться, примазавшиеся верхи, состоящие большей частью из учащихся и вообще интеллигенции.

Эти верхи, засев в разных комитетах, одни и руководят направлением работы. Ясно, что рабочую молодежь, вряд ли привлечет работа при таком устройстве руководящих органов, когда она будет являться лишь простой пешкой в руках верхов.

Как это и не будет обидно членам различных комитетов, все-же они вынуждены будут признать разницу интересов между ними и подлинной рабочей молодежью, а потому нечего удивляться, что иные союзы или совсем не работают, или работают очень вяло. В местностях же, где засилие комитетчиков не так ясно выражено, работа идет много успешнее.

Выходов из создавшегося положения, на наш взгляд, может быть два: или изгнать из союзов всю интеллигенцию и этим, лишив союзы большей части активных работников, подвергнуть их верной смерти, или же изменить строение союзов в сторону анархического устройства, то есть упразднить всевозможные комитеты и тем предоставить действительно рабочей молодежи возможность самостоятельной, без опеки, работы.

Лишь тогда учащиеся сумеют совместно работать с рабочими, работать по товарищески, а не по-начальнически, и в этой совместной работе уничтожится классовая ненависть.

Ясно, какой выход должен быть избран, и для нас нет сомнения, что тогда культурно-просветительная работа много выиграет, и о ней можно будет громогласно заявить, а не умалчивать или рисовать уголичные картины, вроде устройства высших школ, академий, театров и т. п., как это делается теперь.

Защита профессиональных интересов рабочей молодежи также выиграла бы, ибо, очевидно, что ей самой лучше знать свои нужды, чем небольшой кучке учащихся, находящихся в настоящее время в комитетах союза.

К счастью, провинция преодолела помеху комитетских заправил и в своих докладах показала, что там, в глубине России, идет работа, по своим результатам превосходящая столичные союзы.

Сила и размеры этой работы дают веру в провинциальную молодежь и внушают спокойствие за будущее России.

Большой доклад т. Ярославского, посвященный образу деятельности Советской власти, а также и международному положению, сильно заинтересовал участников с'езда и поднял их настроение.

В конце дня выступил с обстоятельным докладом на тему „История движения молодежи на Западе и в России" тов. Юзефович. Докладчик, приводя цифры и факты движения молодежи в разных странах, отметил революционность и коммунистический характер его.

Остальные дни с'езда были посвящены организационным вопросам. Были прочитаны доклады о целях и задачах союзов молодежи и о их культурно-просветительной деятельности. В результате этих докладов наметились следующие основные положения деятельности союзов:

1) Союзы переименовываются в коммунистические союзы молодежи.

2) Они вступают в связь с заграничными организациями революционной молодежи и способствуют созыву международного с'езда этих организаций.

3) Работа союзов в политическом отношении согласуется с работой Российской Коммунистической партии (большевиков), а в культурно-просветительной—с пролеткультом.

4) Делами союза управляет центральный исполнительный комитет, состоящий из 15-ти членов и 7 кандидатов к ним, избираемых как столичными, так и провинциальными союзами молодежи. Работа членов центрального исполнительного комитета платная.

Последние два пункта, как мы уверены, будут едва ли полезными. Первый из них отнимает право работы у революционной молодежи, настроенной не узко-большевистски, а второй,—передавая разрешение всех дел центральному исполнительному комитету,—лишает массы активного влияния на направление союзов.

Особенно ошибочным является назначение платы за работу в центральном исполнительном комитете. Не говоря уже о том, что с чисто нравственной стороны не будет красивым использование народных средств, отпускаемых государством (народным комиссариатом просвещения) для нужд всего союза, на нужды членов комитета; но и помимо этого, оплата труда будет привлекать в центральный исполнительный комитет не лиц, желающих работать, а лиц, желающих получать жалованье. Мы думаем, что всегда можно было бы найти такой состав членов центрального исполнительного комитета, который работал бы бесплатно, лишь по любви к делу.

После приветствия от союза финской молодежи, при пении „Интернационала" с'езд закрывается.

С'езд духовно об'единил все пролетарские союзы молодежи, дал им руководящие указания и, как бы критически не относиться к ним, следует признать, что с'езд свои задачи выполнил, и потому мы вместе с участниками его восклицаем: да здравствует 1-й Всероссийский с'езд союзов рабочей и крестьянской молодежи.

М. Т.

Всероссийский 6-й Чрезвычайный С'езд Советов.

(От нашего специального корреспондента).

9 ноября закрылись заседания Всероссийского С'езда Советов. Его созыв был приурочен к годовщине Октябрьской Революции и совпал с началом революции в Германии. Безусловно год чистой революционной работы и социального творчества не мог пройти бесследно, и если т. Зиновьев назвал 6-й С'езд итоговым, то итоги этой работы показали себя в мировом масштабе. Целый ряд революционных движений в Болгарии, Сербии, Австрии, Венгрии, революция в Германии и канун революции в Италии,—говорят со всей полнотой за это.

Рабочий и крестьянский пролетариат России может гордо заявить пред лицом всего мира, что его задачи и обязанности в борьбе за III Интернационал разрешены и выполнены им так, как ни одно революционное движение еще не сделало этого, и факты говорят сами за себя.

И если теперь найдутся способные утверждать, что политика Советской Власти ошибочна, обманчива и лишена доверия в массах, то политика утверждающих это безусловно предательственна, реакционна и лишний раз явно контрреволюционна. Сочувствие, широкое доверие и поддержка революционных масс Советской Власти очевидны, уверенность в победе непоколебима. Прибывшие на С'езд делегаты и их доклады о работе на местах определенно указывают на то, что в провинции социальное углубление революции производится даже ярче и отчетливее, чем в центрах.

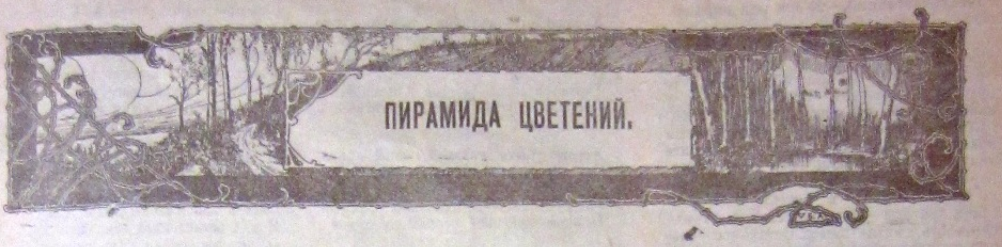
Самое главное для победы—уверенность в победе в данный момент сильнее, чем когда либо разлилась по Советской России.

С'езд явился более многолюдным относительно каждого из пяти прошлых с'ездов. Заслушав доклады т. т. Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Стеклова и Радека, отпраздновав годовщину Октябрьской Революции и начало революции в Германии, делегаты разъехались по уголкам Советской России, унося с собой новые планы и силы для новой энергичной работы и окончательной победы социализма.

Александр Уранский.

К молодым товарищам!

Редакция убедительно просит рабочую, крестьянскую, учащуюся и вообще всю молодежь сообщать о своей жизни и работе в отдел „Хроника", дабы журнал мог полнее освещать молодежь.



Искусство — как красота и красота — как искусство.

Поставим вопрос так: является ли необходимым наличность красоты в искусстве. Сейчас же мы принуждены ответить на вопрос: имеет ли красота два лика с точки зрения морали, то-есть добра и зла?

Искусство стоит вне идеи добра и зла. Оно отнюдь не может быть уподоблено миссионеру, проповедующему принципы добра. Ясно с этим решением отпадает вопрос о моральности и аморальности искусства. Искусство—аморально. Ибо, признавая моральность в искусстве, мы должны были бы придти к отрицанию Уайльда, Достоевского, Пшибышевского, Бадлэра, Francisco Goya („Der Zweikampf") Anthonis van Dyck в его „Susanna im Bade", Jusepe de Ribera detto Lo Spagnoletto в его „Un filosofo", Hans Holbein'a („Bildnis des sir Bryan tuke. schatzmeisters des Königs Heinrich VIII von England"). Репина в его картине „Иване Грозный и сын его Иван, 16 ноября 1581 года". Беклина, Врубеля и др.

Но ведь ясно, что это невозможно. Однако же, идея морали в искусстве должна была поднять ужасающий крик, познакомившись с творчеством указанных мною художников. Понимание красоты в искусстве, как единственно возможное воплощение в реальной символической или аллегорической форме идеи добра, абсурдно и следствием его будет отрицание, может быть, самого гениального, самого яркого. Надо согласиться с мнениями Викельмана, Гома, Гемстергюисом, Фихте, Шиллера. По Викельману закон и цель каждого искусства есть только красота независимо от добра. По Гому красота есть то, что приятно, и поэтому она определяется только вкусом. По Гемстергюису красота—то, что доставляет нам наибольшее наслаждение, а наибольшее наслаждение дает нам то, что вызывает в нас наибольшее число идей в кратчайшее время. С Фихте надо согласиться только в том, что красота находится не в мире, а в душе художника. По Шиллеру красоты нет в мире,— в нем есть только приближение к ней; искусство же дает то, что природа не может дать. Такую же обособленность красоты в искусстве от морали признает и Толстой. В своем труде „Что такое искусство?" он говорит: *„понятие красоты не только не совпадает с добром, но, скорее, противоположно ему, так как добро большею частью совпадает с победой над пристрастиями; красота же есть основание всех наших пристрастий. Чем больше мы отдаемся красоте, тем больше мы удаляемся от добра"*. Мне кажется, что я уже привел достаточно аргументов для того, чтобы признать красоту в искусстве антиморальной. И, действительно, созерцая ярко схваченный образ вакханки или преступника, мы можем испытывать напряженнейшее наслаждение независимо от того, отвечает ли воспроизведение данного образа морали добра или долга. Нравственность и безнравственность, как мерило, повторяю совершенно неприменимо к искусству, и тот взгляд, что результатом нашего восприятия того или иного художественного произведения должно быть чувство умиления, умиротворенности или восторгаемости к совершенному доброго и божественного, как видите, необходимо отбросить как заблуждение, как решение вопроса совершенно негодным способом. Цель искусства— наслаждение проникновенностью в тайны жизни духа и плоти сообразно принципам и доводам красоты. А красота сама по себе всегда есть наслаждение, ликующий гармонический экстаз совокупности ощущений всех основных пяти чувств нашего „я". Дальше веским доказательством антиморальности красоты в искусстве служит еще и то, что идея добра требует для своего воплощения абсолютной искренности, но искренность в искусстве нечто пагубное, обезличивающее, незаметно возвращающее к реализму, реализму даже не искусственному, а как к таковому.

Помните слова Уайльда: *„Действительная жизнь для художника совершенно неинтересна, ибо в действительной жизни никогда нельзя вторично испытать одно и то же чувство"*. *„Искренность в малом количестве—опасная вещь, а в большом—совершенно пагубная"*. *„Истинный художник тот, кто отправляется не от чувства к форме, а от формы к мысли и страсти"*. *„Всякая плохая поэзия вырастает из искренних чувств. Быть естественным значит быть ясным, а быть ясным значит быть неудожественным"*. Такого же мнения держался Гёте: *„Чем непонятнее стихотворение, тем лучше для него"* и Бодлэр: *„Страсти находятся в сердце, но поэзия только в фантазии"*. Итак я считаю доказанными следующие положения: 1. Искусство может быть оцениваемо только сообразно требованиям красоты. 2) Красота в искусстве антиморальна. 3) Целью всякого искусства является наслаждение, как его основная и конечная цель и как принцип и возможность существования красоты. Можно изображать что угодно и говорить о чем угодно, и если в том и другом случае у лица воспринимающего образуется синтез ощущений красоты, то сказанное и изображенное может быть вполне оправдано. Теперь я перейду к вопросу о красоте, как искусстве. Этот вопрос,—я думаю уже понятно,—тесно соприкасается с проблемой эстетики жизни. Мы должны быть красивыми, начиная с самых обыденных поступков и кончая утончennейшими вибрациями влюбленности. Мы говорим: этот человек обладает вкусом, тактом и т. д. Это значит, что этот человек живет по формуле: быть красивым—наивысшее искусство жизни. Несомненно, для того, чтобы сделать свою жизнь красивой, необходимо обладание художественной наблюдательностью. Начиная с костюма, убранства комнаты и далее манеры мыслить, говорить, воспринимать, улавливать малейшие оттенки эмоциональных и психологических движений,—все это должно следовать законам красоты. Для этого необходимо знакомиться с живописью, читать тех, кто красиво писал, читать и изучать оригинальных и типичных мыслителей, слушать музыку. И конечно, все это легче и лучше всего дается в молодости. Остальная часть жизни—в большинстве случаев—только движение происходящее соответственно усвоенным и предпочтенным нами понятиям, формам и краскам. Безусловно подобное строительство жизни доступно немногим и, как всякое углубление, проникновение и искание, влечет за собой бездну разочарований, ведомый, что зачастую скверно отзывается на молодом организме. Но тот, кто после ряда битв вынес свое сердце, душу и разум как нечто целое, оригинальное и действительно ему присущее, тот создает из своей жизни поэму,—это верно, будет ли она полна Скорби или Радости. Сильные художественные натуры, в особенности это сказывается в сфере любви,—из простого элементарного объекта создают утонченное произведение своей души. *„Нет, нет... В отражении самим собой. То, что вы видите во мне, существует только в ваших зрачках... Ваши слова создают из ничего тот образ, который вы хотите любить. Это—вы, это—вы одарены всяким могуществом"*... („Мертвый город" слова Бианки. Габриэль Д'Аннунцио). И мы пришли в мир, чтобы видеть красоту, и каждый видит ее по-своему: и если *Бальмонт* пришел в мир, чтоб видеть солнце, то в этом его оправдание, и если *Гофман* пришел пить женственную нежность, *Бодлер*—красоту смерти и порока, *Гёте*—слышать музыку прозы, *Блок*—видеть горных, прекрасных дам средневековья, *Пшибышевский* беспо-

вать экстаз плоти, *Уайльд*—обоществлять самовлюбленность жестов, полноту эстетических обаяний,—то все они оправданы.

Но какое множество людей пришло для того, чтобы ни к чему не итти! Знайте же вы, юноши и девушки, что красоты в мире нет,—красота в нас, и у каждого есть зачаток красоты. Развивайте же его, напоите причудливыми красками, формами, звуками. Любите искусство, ибо жизнь без искусства—варварство. Посредством искусства только можно подойти к красоте и посредством красоты — к искусству. В этом—сущность, в этом—смысл. Остальное—слепой инстинкт продолжения рода, слепая дань духу жизни. Музыки, музыки прежде всего! О, как бы я хотел, чтобы жизнь каждого из вас была сонатой! Соната сердца, соната души, соната разума. Искусство—как красота и красота—как искусство. Sic!

Анатолий Вашков.

Москва 1918 г. 12 ноября.

Хорошо быть солнцем...

Хорошо быть солнцем—светлым, ярко жгучим,
Хорошо быть ветром—вольным и могучим,
Утренней зарею розовой и нежной,
Голубой лазурью тихой, безмятежной.

Хорошо быть сильной, юной и прекрасной,
Радостно весенней, ласковой и ясной,
Радостно могучей, как полет орлиный,
Нежною, красивой песнью лебединой...

Среди душ тоскливых, серых от ненастья,
Хорошо быть смелой с чудной жаждой счастья!
Хорошо подняться над земной толпою,—
Раствориться в небе мощною душою...

Н. Смаковская.

Февраль 1918 года

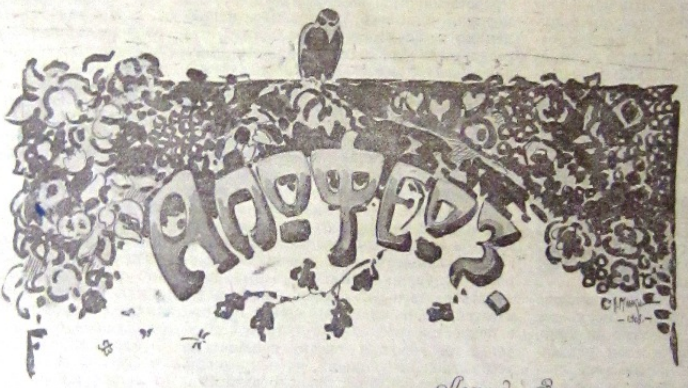
После полета.

(Посвящаю пилоту-авиатору А. Л. Ширинкину).

Годами я хранил, лелеял
Свою заветную мечту.
Она сбылась... Я ныне реял
И зрел с лазури красоту.
И, как орел, широким взором
На город тающий взирал,
И, очарованный простором
И панорамой, ликовал.
На высоте 5000 футов,
Ласкаем воздуха струей,
Смеясь над жизнью лилипутов
И над оставленной землей!
О, человек, каким чудесным,
И мудрым ты богат умом!
Ты стал властителем небесным,
Творцом того, что было сном.
Ты победил земли благие
И силы злобные себе,
И вся воздушная стихия—
Покорна властному тебе!

Антип Никаноров.

Любань, Новг. г.,



Леониду Зюзину.

I.

Минский обвел Веру своими большими бархатисто-черными глазами. Он переносил любующийся взгляд с лица на шею, с шеи на грудь, на руки и ноги.

Скромное платье четко вырисовывало необыкновенную правильность очертаний ее тела. Все было гармонически связано в одно одухотворенное, прекрасное целое, было словно выточено рукою гениальнейшего скульптора. Желание обладать этой красотой казалось святотатством. Было стремление оберегать ее, как святыню, как художник оберегает хрупкую статую от разрушающего действия грубых прикосновений. Было одно чувство—эстетическое, беспристрастное, чувство критикующее и беспощадное к об'екту критики.

— Как это странно,—начал Минский, внимательно прислушиваясь к своим словам,—между нами царит полное согласие во взглядах, отсутствуют какие бы то ни были недоразумения, и все-таки мы не питаем друг к другу того чувства, которое принято называть любовью.

Вы красивы. Я—то же.

Думаю, что вы, зная меня, поверите мне, если я скажу, как я себя изучил, сколько ночей провел я со своим обнаженным двойником в зеркале.

Я анализировал не только свою душу, свое духовное „я", но и внешнее выражение этого „я"—свое тело. Анализировал его с систематической настойчивостью художника-профессионала, для того лишь, чтобы навсегда запечатлеть свой образ в памяти, чтобы ввести свое внешнее „я" во внутреннее.

И, несмотря даже на наше сходство красоты, я знаю, что вы относитесь ко мне совершенно так же, как и я к вам, т.-е. без этой отвратительной, пошлой, любви. Такие люди, как мы с вами, не могут быть ни мужем с женой, чтобы нести брачные обязанности, ни любовниками, с их чисто животными инстинктами.

Мы созерцаем друг друга, и это созерцание несомненно выше всякого другого чувства.

Минский смолк.

Девушка встала, взяла его руку в свою и сжала ее в знак согласия.

Зеленый абажур мягко оттенял необыкновенно красивый рельеф лица, и она казалась богиней, величественной и прекрасной. Лишь черное одеяние набрасывало на нее сумрачную тень смертности.

— Мы с вами,—сказала она,—любим только тех, кто не похож на нас, кто некрасив, беден и бесзащитен. Вы знаете, что решено: Борис будет моим мужем.

Глаза Минского загорелись. Он вскочил.

— Равнодушно к этому отнестись я не могу. Подумайте только, что сделали бы вы с тем человеком, который нарушил бы пропорциональность форм Венеры Милосской, кто посягнул бы на неприкосновенность Аполлона. Бельведерского, нарушил бы стройную гармонию его тела?

Вера ничего не отвечала. Но, подумав немного, сказала:

— Вы просто удивительный! Вы смотрите на красивого человека, как на

Минский обвел Веру своими большими бархатисто-черными глазами...

красивую вещь, и в этом отношении я совсем не похожа на вас.

— Нет, Вера, нисколько!

Поймите, что я не отнимаю у вас вашего значения женщины, но что же мне делать с собой, если одна возможность видеть вас в положении матери приводит меня в исступление?

Я хочу любоваться вами! До бесконечности!

Я хочу видеть вас без этих презренных одежд, уродливых и бесвкусных, без этого жалкого тряпья, именуемого платьем! Хочу...Что с вами?.. Разве мое желание оскорбляет вас? Вы меня не понимаете? Разве это не высшее выражение отношений между мужчиной и женщиной?

Наступило долгое, нервное молчание.

Вера пристально глядела в глаза Минскому и вся трепетала Она, видимо, боролась с нежеланными мыслями.

Сидела на краю туалетного столика и, перегнувшись вперед своим гибким, молодым телом, опиралась руками о холодный мрамор.

Взволнованный не меньше Веры Минский поклонился. Он понял, что пока ему здесь делать нечего, и со словами: „до завтра"—ушел.

II.

— Войдите!

Ее голос дрожал. Чувствовалось напряжение.

Минский вошел.

Вера лежала на турецком диване, с шеи до ног укутанная в белоснежную простынь. Правая рука, ослепительно белая, обнаженная выше плеча, выскользнула из под покрывала для рукопожатия.

Вера улыбнулась и, возбужденно горя ярким румянцем щек, прошептала:

— Видите, какая я!

Теплое чувство благодарности охватило Минского. Он был готов расцеловать эту волшебную руку, пасть на колени перед девушкой, которая, может-быть, единственная в мире умела понять величественно-сложное движение эстетической души. Но он не сделал ни того и ни другого,—он мог произнести одно только слово, совместившее все:

— Спасибо!

Дневной свет был хмур и неприветлив. Мелкий дождик угрюмо и монотонно барабанил по мокрому стеклу. Глухие всхлипывания непогоды смешивались с едва переводимым дыханием девушки, решившейся на необыкновенный шаг.

Она не спала почти всю ночь. Вполне понимая стремление Минского, она все же не могла отделаться от стыда, охватившего ее. И лишь к утру, когда она еще яснее представила себе мотивы, побудившие Минского на такое желание, она решила удовлетворить его просьбу. К этому решению примешивалось также чувство гордости, сознания своей красоты, своего совершенства Ее манила необычайность подобного шага, новизна ощущений.

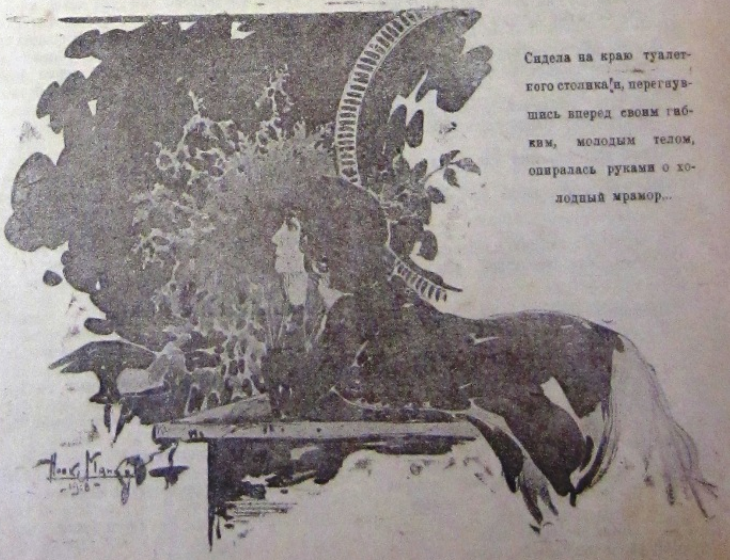
Минский ждал.

Внезапно Вера вздрогнула.

Глаза вспыхнули и приняли какое-то неземное выражение. Она быстро поднялась с дивана и, сбросив простынь на пол, застыла в неподвижное изваяние.

Комната залилась божественным сиянием красоты. Всхлипывания дождя утонули в беспрерывном шуме ликования, в мелодическом перезвоне апофеоза, достижения почти недостижимого.

Одно усилие—громадное, нечеловеческое,—и Минский пришел в себя. Он всей душой отдался молчаливому созерцанию, он запечатлевал в своей памяти



Сидела на краю туалетного столика и, перегнувшись вперед своим гибким, молодым телом, опиралась руками о холодный мрамор...

Она не спала почти всю ночь.

одну часть тела за другой, соединял их вместе, чтобы до самой смерти сохранить их прекрасными и неизменными.

А Вера стояла, чудесная, молчаливая. Закрытые глаза тихо вздрагивали длинными ресницами, губы бесзвучно шевелились.

Она ликовала. Она чувствовала свою силу, свое величие. Вся жизнь Минского засверкала в ее воображении тяжелым ожерелием из крупных жемчужин. И сознание, что она—самая крупная из них, вызвало продолжительную, торжествующую улыбку.

Улыбку красоты.

31 августа 1918 года.

Альфред Тосс.

«Гимн свободному человеку».

Как ветер свободный, бродяга идет
И вольности песню он громко поет

В руках его палка, сума за спиной;
В суме все богатство утехи земной.

Широко раскинулись дали пред ним,
Чуть скрытые легким туманом седым.

Манят эти дали, бродяга им рад;
Он бодро шагает, не глядя назад.

Для сына вселенной повсюду приют,
Но чужд ему жизни спокойной уют.

Лишь день отдохнет где-нибудь в шалаше,
На следующий—злоба уж вспыхнет в душе

К покою и к счастью плененных людей
Семьей, иль богатством, иль славой своей.

И снова в дорогу, и снова простор;
И с ветром уж странник ведет разговор.

Н. И.

* * *

Когда мечется в люльке ребенок больной,
Мать над люлькой сидит с безысходной тоской
Если кризис прошел,—не поверит судьбе
И, бледнея от мук,
Ловит шелест и звук,
Замирая в тоскливой мольбе.

Когда прежде невинный томился в тюрьме,
Он не верил надежде, блеснувшей во тьме,
Если дверь перед ним растворялась.
Он считал все за сон...
И не шел к двери он,
Что б надежда, как нить, не порвалась.

Так и мы. Кризис наш уже давно миновал;
Много жертв ону нес. Всех ненужных убрал
— Сомневаемся мы и не верим в судьбу:
Нам, как матери той
Ее мальчик больной,
Представляется кто то в гробу.

— Пусть уверует мать, что ребенок живет.
Узник пусть, не дрожа, чрез порог перейдет:
Снята жадная цепь. Нету больше рабов.
Мы,—как моря—волна!
Наша вера сильна,
Наша вера в могучих борцов.

Те, кто жизнь отдал за любимый народ,
Те, кто цепи сорвал в прошлый памятный год.
Те, кого с нами нет, но с которыми мы,—
Пусть посмотрят они,
Как сияют огни,
Пусть услышат гимн новый из тьмы.

Елена Новая.

Два мира.

Старый мир в упадке быстр,
Новый—полон жарких искр;
Старый мир—дряхлея, болящ,
Новый мир—боен, блестящ!
Старый мир—палач людей,
Новый мир—поток идей;
Старый мир—тюремщик злой,
Новый—зодчий молодой!
Старый рим—невзгод отец,
Новый рим—добра кузнец;
В старом мире—цепи тьмы,
В новом—все воскресим мы!

Антип Нинаноров.

Любань, Новг. г.

Первому снегу.

Как первая любовь, ты кружишься над нами
И розою огней покроешь землю ты,
Горя, блестишь в ночи безмолвными слезами
Упав с неведомой и тайной высоты.
Ты, как она, едва земли касаясь,
Растаешься в лучах и тихо упадешь,—
То потухая въ них, то снова загораясь,
Об'ятьем нежащим ты землю обовьешь.
Таинственный покров, загадочный для глаза,
Ты под собой таишь огонь земли,
И для других—небольше ты, как фраза,
Кусочек льда, что с неба принесли.
Ты в воздухе кружишь и медленно, и плавно,
Как прошлая любовь ты сердце леденишь,
И кажется, что все ведь было так недавно;
В растроганной душе былое оживишь...
Как первая любовь, ты кружишься над нами;
Глаза и щеки жжет холодный мягкий пух!
Как поцелуй любви, подаренный ночами,
Горел и жег, и холодно потух...

Москва, 1917. Ноябрь.

Анатолий Вашков.

О девочке-блондиночке и звездочке-снежиночке.

ПРИМИТИВА.

Падает и кружится
Медленно снежок,
От мороза—в лужице
Тоненький ледок.
Девочка-блондиночка
Вышла на крыльцо
Звездочка снежиночка
Села на лицо.
Солнышко завесила
Серенькая тьма,
Засмеялась весело,—
Дай пойду сама.
Отыскала валенки,
Шубку и платок;
Звездочки хрусталики
Кружатся у ног.
Девочка блондиночка
По полю пошла;
Желтая тропиночка
К пруду привела.
Черненькие галочки
Прыгают по льду.
Кустики, какъ палочки,
Дремлют на пруду.
В ворохе валежника
Высится сосна;
Снятся ей подснежники,
Снятся ей весна.
Девочке то нравится
Серенькая тьма.
Здравствуй же, красавица,
Белая зима!

Анатолий Вашков.

Москва. 1918 год. Ноябрь.

К вопросу о творчестве актера.

«По поводу книги: Ф. Коммиссаржевский. „Творчество актера и теория Станиславского“).

Поистине ариадниной нитью в темном, трудно проходимом лабиринте царя Миноса должна нам показаться всякая попытка бросить свет на одну из интереснейших областей социальной психологии, на душевную жизнь актера и особенно на интенсивнейший момент ее, на момент творчества. Указать, как творит актер, как он из своих житейских рамок перевоплощается то в одного, то в другого героя той или иной пьесы, как он от действительности жизненной приобщается к действительности сценической, к действительности рампы,—вот любопытнейшая задача, за попытку выполнения которой мы должны быть благодарны. Еще больший интерес приобретает эта задача, когда за нее берется человек сцены, режиссер, в то же время обладающий большими познаниями в области психологии творчества, или, по крайней мере, большой начитанностью в этой области, доказываемой многочисленными сносками, как Ф. Коммиссаржевский. И может быть еще больше потому, встретить—увы!—столь часто встречаемые, неисполненные надежды, золото вместо золота, румяны вместо здорового румянца жизни. И, к глубокому сожалению, надо сказать, что мы это встречаем и в данном случае. Постараемся указать причину этого явления и одновременно путя к более правильной постановке, нас интересующего вопроса. Творчество актера (употребляя общепринятую терминологию, мы увидим, что Ф. К. понимает под „творчеством“ лишь истинное с его точки зрения творчество; это слово в таком понимании мы будем везде ставить в кавычках), несомненно, многообразно, многолико. И пресловутый „рев“ Плавильщикова, который приводит в восторг и умиление записного театрала эпохи императора Александра I (см. С. П. Жихарев: „Записки студента“, часть 1), и тихий изысканный изящный говор В. И. Качалова—Горскаго (в „Где тонко, там и рвется“), с другой стороны, и трагическую, полную мягких нотok игру доброго человека, жалкого царя, царя Федора—Москвина, как и бурную, символически дерзко вызывающую игру—пляску короля Арлекина Дастолли, как и всегда являющую свою индивидуальность, все равно в роли Матроса, Городничего или Фамусова, игру Михаила Семеновича Щепкина, в противоположность Прову Садовскому, перевоплощающемуся до конца, уничтожающему свое собственное „я“, и без остатка переходящему то в Любима Торцова, то в Митеньку (эта, последняя, впрочем, обычная параллель, особенно ярко и блестяще проведена в книге: П. П. Кизеветтер: „М. С. Щепкин“), все это, конечно, об'единяется одним именем сценическаго творчества, соответствующего тому или иному моменту в истории русского театра. Несомненно, бесспорны следующие два положения в области сценического творчества: во первых, как мы уже говорили, *выявление* этого творчества многообразно, во-вторых, соответственно этому меняющемуся выявлению творчества, должны также и меняться *содержание* закулисной, репетиционной и предрепетиционной работы актера. Но, возможно, что формально существует *внешняя, но общая схема* творчества актера, в которую вкладывается меняющееся содержание.

Быть может, и удалось Ф. Коммиссаржевскому, ставящему себе именно такую цель, удовлетворительно найти решение законов творчества, преимущественно душевно-психологической работы артиста, дать ответ на вопрос: „как должно творить“. Посмотрим, что нам говорит новая книга Ф. К.

Большая часть книги, прямо или косвенно, посвящена полемике с К. С. Станиславским, или, вернее, с его теорией сценической игры. Худ. театр, по мнению Ф. К, за все время своего существования перешел от внешнего натурализма к натурализму психологическому, от воссознания внешней стороны жизни к воссознанию столь же жизненной психологической ее стороны („Творчество актера и т. д.“, стр. 89), но, очевидно, лишь в области теории закулисной игры, т.-к., по мнению Ф. К., в лучших своих созданиях, в выявлении своего творчества перед зрителями, да и отчасти самой закулисной игры, театр шел бессознательно по другому пути, по пути, указываемому самим Ф. К. Основным принципом же этого „душевного натурализма“ является, как и признает К. С. Станиславский и как отчасти дополняет Ф. К.,—воспоминания своих собственных переживаний (Ibidem, стр. 101), группировка их, об'единение известным началом и воспроизведение их. Такая теория, как правильно отмечает Ф. К., основана „на половинчатом понимании естественно научной психологии“ (стр. 115). Именно здесь не берется во внимание, что при каждом новом восприятии данного воспоминания, мы претворяем вместе с старым нечто новое, это старое видоизменяющее. И,—говорит Ф. К.,—сам Станиславский не может творить по одной схеме, и творит иначе, по теории „творчества“ самого Ф. К. (стр 114). В чем же состоит эта теория? Беря пример ребенка, Ф. К. указывает на то, что фантазия ребенка, т.-е. его, каждый раз новое, восприятие, дает истинное „творчество“ т.-к. оно самостоятельно перевоплощающе и слабо связано с старыми воспоминаниями. Действительно, видя в кубиках солдат и оперируя с ними, ребенок в очень слабой степени связан с основным, старым воспоминанием, виденными им когда-то солдатами. (стр. 24).

А отсюда Ф. К. и выводит свою теорию „творчества“ актера. Актер тоже должен творить, создавая новое, чем он гениальнее, тем меньше старого материала ему надо для своего творения. Поэтому главный момент творчества, это интуиция, вчувствование себя в образ героя пьесы, перевоплощение окончательное себя, создание в результате нового „я“, или, вернее, уже не „я“, (стр. 72), затем второй момент анализ и наконец, синтез. Впрочем, эти три момента могут совмещаться. Но эта внешне-интересная теория страдает тем же недостатком, как и первая: она психологически ненаучна. Тут не помогли Ф. К. многочисленные сноски на Вундта, Джемса и т. д.; психология знает особое свойство человеческого восприятия, это—апперцепция Благодаря ей, человек при восприятии нечто нового вносит в него свое старое, благодаря чему всякое восприятие индивидуально. То, что вносится своего, старого, называется преперцепцией. Эти преперцептивные массы, залегают в мозге человека между 13—18 годами и, согласно исследованиям, к 25 годам делаются более или менее устойчивыми, невытеснимыми. (Так смотрит на вопрос глава американской психологической школы В. Джемс и проф. Г. И. Челпанов). Поэтому то пример Ф. К. с детьми несостоятелен. У детей свое слабо, поэтому новое более творческо, более независимо и сильно.

Поэтому интуиция у взрослого актера не абсолютно свободна, а значительно связана. Ф. К. говорит, что у гениального человека интуиция создает многое из ничего воспринятого, а мы скажем, что гений из всего создает многое новое, но не абсолютно новое, ибо в том то и состоит его гениальность, чтобы воспринять все. Так что мы могли бы сдѣлать вывод, что и Ф К и К. С. Станиславский одинаково не правы; да отвлеченно это так, но конкретно они оба правы. Как ни старался это скрыть Ф. К. К. Станиславский, впрочем, никогда не старался замаскироваться: его схема приложима только к театру типа Художественного. И вот почему. Т. к., то новое восприятие, которое приносит с собой актер при понимании роли, у Ф. К. столь же реалистично, как и его воспоминание; т. к. он хочет дать другое „я“, т. е. тип, а не настроение, то оба элемента сливаются, и Ф. К. получает внешнюю возможность не говорить про влияние старого. То же у К. С. Станиславского, только он по тем же причинам может упускать из виду, равного по качеству, воспоминанию, элемента нового восприятия. Окончательный вывод же ясен: раньше чем выводить общую схему, надо *научно* изучать, как *действительно творит* актер, и затем также научно, сделать выводы.

Ш.

ХРОНИКА.

Москва, 31—X. Московский Союз Учителей-Интернационалистов устроил митинг учащихся 2-й ступени на тему: „Задачи новой школы в строительстве новой жизни". Зал Политехнического Общества, где был назначен митинг, был переполнен учащимися всех бывших гимназий и училищ.

Тов. Познер выступил с докладом, в котором призывал учащуюся молодежь идти вместе с трудовым народом и деятельно помогать Комис. Нар. Просвещ. и Союзу Учителей-Интернационалистов в деле скорейшей реформы школы. Кончая свой доклад, тов. Познер сказал:

„Вам, учащейся молодежи, еще ничем не связанной с буржуазией, мы предлагаем сегодня решить, с кем вы—с октябрьской революцией или нет, с буржуазией или пролетариатом!"

Эти слова были покрыты громовыми возгласами: „С народом! С пролетариатом!"

Затем тов. Познер прочитал обращение Комиссара Народного Просвещения тов. А. Луначарского к учащимся по поводу годовщины великой октябрьской революции, встреченное также бурей аплодисментов.

Поделился воспоминаниями с молодежью и один педагог, рассказавший о том, как трудно было в старое время,—время царизма,—учащимся организовываться.

С большой речью выступила тов. Ульянова-Ленина, подробно остановившись на вопросе: какой должна быть единая трудовая школа.

Из учащихся выступил тов. Н. Некрасов, прочитавший встреченный всеобщим одобрением доклад: „Реформа школы и международный язык Эсперанто".

Было выражено пожелание, чтобы подобного рода митинги устраивались еженедельно, по четвергам.

В принятой резолюции, учащиеся приветствуют и поддерживают все начинания Комиссариата Нар. Просв. и желают ему полнейшего успеха в деле скорейшего реформирования школы.

Выйдя с митинга, учащиеся устроили манифестацию и с лозунгами: „Да здравствует советская власть! Да здравствует реформа школы! Да здравствует тов. Луначарский!" продефилировали по улицам Москвы.

Григорий Розенблат.

Москва. 11 ноября в $6^1/_2$ ч. вечера Рюриком Ивневым была назначена лекция: „Русская революция и русское юношество". Само название лекции указывало на то, что лектор должен был осветить русское юношество при свете революционного движения, переживаемого периода; так думали и те юноши, которые собрались послушать лектора, но, к большому недоумению всех присутствовавших, товарищ Ивнев, упомянув вначале о том, что молодежь будет в лучших условиях существовать, нежели их отцы, перешел на избитые вопросы истории возникновения европейской войны и на вопросы о возможности сближения России с Германией. Коренное отклонение от темы сразу же заставило значительное количество юношей покинуть аудиторию. Советуем товарищу Ивневу на будущее время ставить вывески соответствующие темам лекций.

—лай.

Нижний-Новгород.

Письмо первое.

Много трудов пришлось положить местным культурно-просветительным работникам, чтобы всколыхнуть нашу заплесневшую школу, театр и др. культурные учреждения.

Со школой было очень много хлопот, т. к., вытряхнув с корнем всю ненужную школьную ветошь, нужно было влить новую, свежую струю жизни.

Принялись уж практически проводить декреты Комиссариата Народного Просвещения. Все декреты вполне сходны с желанием учащихся, и они способствуют их проведению.

Все школы переименовываются в Единую Трудовую Школу 1-й ступени (или 2-ой ст.).

Организуются при школах горячие завтраки, которые будут выдаваться в таком размере: на день—$^1/_2$ ф. хлеба, $^1/_2$ ф. картофеля вареного; на месяц: $^1/_2$ ф. сахару, $^1/_2$ ф. соли и несколько золотников чая. Другие продукты—по обстоятельствам. Завтраки предполагаются бесплатные. Согласно ходатайству Ком. Нар. Об. учащиеся до 17 лет включительно переведены из 3-й категории во 2-ю для получения продуктов по карточке.

Не во всех еще школах начались занятия, в связи с чисто местными условиями: занятие помещения, ремонт и проч.

Ученические Комитеты работают пока только в 2—3 школах.

В Школьный Совет (быв. Педагогический Совет) допущены учащиеся с решающим голосом, согласно декрету К. Н. П., в количестве $^1/_4$ всего Школьного Совета.

Работы как у преподавателей, так и у учеников очень много.

Конечно, вполне нормальные занятия не происходят, т. к. никакая реформа безболезненно не проходит, вдобавок общее тяжелое положение заставляет учащихся зарабатывать себе на существование, что, конечно, отвлекает их от занятий.

Теперь хочется сказать несколько слов о нашем высшем учебном заведении—Государственном Университете.

Я великолепно помню, какому граду общественных пощечин подвергся проф. Синицын со стороны правой печати, когда Исполнительный Комитет С. Р. и С. Д. утвердил его проект о Свободном Государственном Университете, и теперь, глядя на работу в Университете, к проявляемому к нему, со стороны масс населения, рабочих, интересу, не хочется даже вспоминать, что находились люди, не желавшие сделать высшее образование доступным всем.

Университет имеет одиннадцать факультетов: механический, электро-технический, инженерно строительный, горный, физико-химический, математический, биологический, агрономический, геологический, рабоче-энциклопедический и профессиональный. Есть еще подотдел при биологическом факультете—фармацевтический.

Скажу несколько слов об энциклопедическом факультете, т. к. он не для всех ясен.

Цель энциклопедического факультета—дать общее высшее образование.

Факультет расчитан на два года. В программу его входят следующие предметы: психология, введение в философию, философия, физика, химия, биология, курс русской истории XIX в., курс русской лит. XIX в., история искусства, энциклопедическая математика, политическая экономия, введение в социологию, эволюционная теория, языки: немецкий, французский, английский, латинский и итальянский.

Нижегородский Государственный Университет, идя навстречу желаниям рабочих, открыл отделение Университета в Сормово, где имеется пока энциклопедический и математический факультеты.

Таким образом, высшее образование постепенно становится доступным даже лицам, занятым определенной работой.

Глубокую благодарность скажут рабочие Нижегородскому Университету.

Недавно у нас открылось еще одно высшее учебное заведение—Народная Консерватория, в которой работают значительные музыкальные силы.

При консерватории сформирован симфонический оркестр под управлением композитора Анри Фортера.

Оркестр устраивает ряд камерных симфонических, исторических концертов при участии известных музыкальных сил. Недавно был концерт с участием известного концертанта Фишберга. Ранее состоялся концерт с Неждановой.

Теперь все любящие музыку могут доставлять себе истинное наслаждение—посещать концерты.

Городской Советский театр играет уже недели две. Труппа собрана очень и очень приличная; хорошо поставлена художественная часть.

Шла „Снегурочка" при новой декорации и костюмах. Знатоки говорят, что постановка была не хуже, чем у Рейнеке в Петербурге.

При театре организована Драматическая студия, которая начнет скоро свои занятия.

В праздновании октябрьской революции все культурно-просв. организации приняли должное участие.

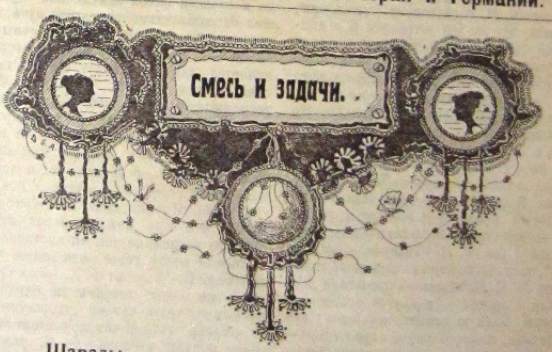
Школа, театр, союз художников, музыкантов и проч.,—все в этот день показали свое творчество.

Художники талантливо украсили город, театр показал народу пьесу футуриста В. Каменского „Стенька Разин", музыканты устроили районные концерты, ораторы раз'яснили значение октябрьской революции и проч.

Действительно, революционное творчество проявилось повсюду.

Григорий Шмерельсон.

На 25-е декабря в Москве назначается Всероссийский с'езд анархистов-коммунистов, с участием представителей анархических об'единений Скандинавских стран и Германии.


Смесь и задачи.

Шарады.

4.

Мой первый слог, тогда откроешь,
Коль вещь какую ты накроешь.
Второй мой слог всегда получишь,
Коль птичку сильно ты придушишь.
Мой третий слог невольно восклицаем.
Все вместе то, к чему вас призываем.

А. А.

5.

Мой первый слог—предлог,
Второй—летние помещения;
Все вместе требует решения.

А. Л.

Цели журнала:

Полное раскрепощение духа молодежи в России и воспитание ее в духе анархизма, развитие свободного волевого самосознания, как фундамент бесконечных творческих достижений, отражение всех сторон жизни и творчества молодежи и ее участия в строительстве общественной жизни.

Тактика момента:

Всемерная поддержка Советской власти в ее борьбе за мировую социалистическую революцию и в работе укрепления социализма в России.

Редактор: Н. В. МАРКОВ.
Издатель: Издательство „РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ".